

И окровавленные волны Сены, / И крики, и горящих трупов смрад... // Под сенью ночи в переулках рыщут / Повязки белые – из дома в дом. / Во всех домах, отмеченных крестом, / Святым крестом указана добыча! // Набат, набат!.. Благословляет небо, / Попы благословляют и король – / Детей и женщин льющуюся кровь, / Весь этот чёрный бред, всю эту небыль... // Где брат твой, Каин? Ты молчишь? Убит! / Чья кровь клеймом на лбу твоём горит?!» («Ночь Св. Варфоломея»). Сонеты наполнены франц. антуражем, заимствованным из произведений П. Мериме и А. Дюма. По замечанию критиков, наиболее художественны сонеты о любви («Предзнаменования», «Зачем ещё писать?», «Мой гороскоп» и др.), посвящённые маркизе Л., под которой скрывалась возлюбленная В. Люся Хотимская. Последующие произведения, написанные позже, в ссылках, будут распределены ещё по трём тетрадам: «Дуврские скалы», «Четыре слова», «Здравствуй, мой Париж!».

В 1947, после отбытия заключения в Свободном, жить в столице друзьям не было разрешено. Проведя неск. «контрабандных дней» в Москве, они разъехались. В. уехал в Калинин и устроился на вагоностроительный завод, Х. отправился на Свердловскую киностудию. Вскоре оба были отправлены в бессрочные ссылки: Х. – в местечко Абан в Зауралье, В. – на шахту в Красноярский край. В книге воспоминаний Х. пишет: «Наша жизнь после сорок седьмого пошла разными дорогами, хотя и на вполне параллельных курсах. Пути наши (но не мы сами!) даже встречались: один только успевал покинуть очередную пересылку, как туда вваливался другой». Х. трудился счетоводом, преподавал в школе, вёл автотракторный кружок, ставил спектакли. У В. была только работа. Он погиб в годовщину смерти своей жены: по официальной версии, в темноте пошёл осматривать оборудование и упал в шахту.

В 1954 Х. вернулся из ссылки, первым делом, по свидетельству А. Симонова, перепечатал на машинке в небольшой томик все сонеты и только потом пошёл получать бумаги о реабилитации. О лагере практически никогда не рассказывал, в прозаическом дополнении к сонетам написал, что «сильнее всего запомнились не теневые стороны, а проблески человечности там, где человечности не предусматривалось и не предполагалось». После освобождения 18 лет прожил в Москве и занимался любимой кинематографич. работой, от неё «мог оторвать только полученный в лагере туберкулёз», в результате которого он и умер.

Сонеты Г.Д.В., созданные в заключении, – явление неординарное, возможно, это своеобразный художественный протест против лагерной реальности или способ от неё скрыться. С одной стороны, они связаны со стремлением пусть поэтически, но высказаться, с другой – обусловлены желанием даже в лагере говорить о вечном, не становиться винтиком тоталитарной системы, не терять связей с тем, что делает человека личностью.

Соч.: Харон Я.Е. Злые песни Гийома дю Вентре: Прозаический комментарий к поэтической биографии. М.: Книга, 1989. 240 с.

Лит.: Симонов А. Третья биография Гийома дю Вентре; Вейнерт Я.А. Книга для моих детей: Глава из воспоминаний // Харон Я.Е. Злые песни Гийома дю Вентре: Прозаический комментарий к поэтической биографии. М.: Книга, 1989. С. 3–24; 210–224; Симонов А. Харон и русский зэк Гийом дю Вентре // Новая газета. 2008. №57. 7 авг.; Паршин Е. История Гийома – французского поэта, свободненского зэка // Свободненский курьер. 2002. 10 дек. С. 9; Симонов А. Дю Вентре в эпоху джу Гашвили // Иностранная литература. 2013. №4. С. 237–249.

Т.Е. Смыковская

«ГЛАГОЛ» – лит. приложение к газете «Амурская правда», первый номер которого вышел 24 дек. 1998. Создатели «Г.» стремились пропагандировать произведения местных авторов, сообщать о книжных новинках, в первую очередь – амурских писателей, а его девизом стали пушкинские строки «Глаголом жечь сердца людей».

Редактором первых 8 номеров «Г.» выступил член Союза писателей России, отв. секретарь Амурской обществ. писат. организации поэт Игорь Игнатенко, в редколлегия вошли директор изд-ва «РИО» прозаик Владислав Лецик, поэт Светлана Борзунова, краевед из Свободного Евгений Паршин и тындинский драматург Иван Шестак. С самого начала в «Г.» стали публиковаться материалы, посвящённые писателям,

стоявшим у истоков амурской литературы. Так, в №1 были помещены две статьи, А. Лосева и О. Федотовой, о Порфирии Масюкове и два стихотворения поэта: «Это я пишу кому?» и «В тайге на новый 18** год». Отдельные номера были тематическими, например, №2, посвящённый 100-летию со дня рождения Г.А. Федосеева. Ряд материалов номера рассказывал о личности легендарного писателя (статья И. Киселёвой «Когда-нибудь к тебе вернусь...», воспоминания М.Ф. и М.С. Степановых, материалы переписки Г. Федосеева с В. Бермичевым), др. – о судьбе его наследия («Читатель любит его книги» Г. Авериной) и увековечении памяти («Праздник в Зее» О. Федотовой, «Последний поклон» Э. Барановой). В этом же номере была опубликована и глава «Погоня за старым козлом» из повести Федосеева «Меченый». На страницах «Г.» печатались стихи и проза совр. амурских профессиональных и непрофессиональных авторов, публиковались рецензии на книги, интервью с писателями, материалы о проблемах совр. литературы Приамурья и состоянии писательских объединений и организаций. Первые 4 номера выходили ежемесячно на восьми полосах, затем выпуск приложения был прерван, а когда в 2001 издание возобновилось, оно заметно «похудело» – до одной полосы.

С 2002 редактором «Г.» стал поэт и журналист Александр Бобошко. Он продолжил традиции газеты, неск. изменив редакц. политику: «предпочтение отдавалось исключительно непрофессионалам. Писатели с именем, а тем более работники редакции, публиковались лишь изредка». При этом, отмечал А. Бобошко в материале, посвящённом юбилейному выпуску «Г.», «география начинающих писателей и поэтов обширная: от Магдагачей до Архары, от Благовещенска до Экимчана». На страницах газеты печатались и произведения лучших участников лит. семинаров, организуемых Амурским обл. отделением Союза писателей России для творческой молодёжи Приамурья. Неск. номеров приложения были адресными: например, №13 за 2002 был отдан свободненским поэтам и прозаикам – членам литобъединения им. П. Комарова, которое отмечало полувековой юбилей; были номера, рассказывающие об авторах из Белогорска, Зеи, Тынды и Завитинска. «Г.» отзывался на такие события в лит. жизни Приамурья, как выход в свет очередного номера нового лит. альманаха («Шуми, «Амур»!» А. Бобошко), открытие в БГПУ лит.-краеведч. музея («Амурскую литературу соберут в музей» М. Якушевой), проведение Комаровских чтений в Свободном («Камень Комарова» А. Бобошко), деятельность лит. объединения г. Завитинска («Вдохновение» объединяет в Завитинске творческих людей» А. Бобошко) и др.

Лит.: Бобошко А. За семилетку у нас публиковались 200 начинающих писателей // Амурская правда. 2005. №251. 23 дек.; Паршин Е.В. Избранная библиография амурских газет лит.-краеведческой тематики. 2013 // Личный архив краеведа.

Н.В. Киреева

ГОЛОВИН Андрей Андреевич [ок. 1915 – 1970-е (?)] – прозаик.

Перед войной окончил военное училище в Одессе, служил на Дальнем Востоке, в Хабаровске; в г. Бикин был нач. разведшколы. Участвовал в советско-японской войне (1945). После жил в Благовещенске, работал тех. редактором в Амурском кн. изд-ве, помощником режиссёра на Благовещ. студии телевидения.

В 1958 в Благовещенске вышла первая («Мёртвая полоса»), а в 1960 – вторая («Стремительный удар») книги монументального произведения Г. «Тыл – фронт». Роман сразу стал популярным и в 1963 был переиздан уже единым томом и тиражом в 100 тыс. экз.

Работа над книгой велась с 1953 по 1959. За это время автор художественно переосмыслил «богатейший фактический материал, почерпнутый как из непосредственных наблюдений <...>, так и путём изучения множества документов и материалов» (Л. Васильев). Отдельные фрагменты и главы печатались в альманахе «Приамурье», газетах «Амурская правда» и «Амурский комсомолец».

Роман посвящён событиям 1941–1945 на Дальнем Востоке: противостоянию СССР и Японии, сосредоточившей огромные военные силы в Маньчжурии и вынашивающей

планы захвата советских территорий. Однако временные рамки не ограничиваются исключит. сюжетом. В произведении часто упоминаются более ранние события первой пол. XX в. Так, мотивы поведения белогвардейских офицеров связаны с исходом Гражданской войны в России. Амбициозные действия японских генералов определяются жадной реванша за поражение на Халхин-Голе. А офицеры Красной армии, готовясь к военному конфликту, вспоминают о поражении России в войне с Японией в 1904–1905: «Порт-

Артур повторить не позволим». К событиям нач. XX в. автор обращается, раскрывая жизненные истории действующих в произведении персонажей.

Столь же широка и география изображаемого. Упоминаются важнейшие мировые политич. центры, от решений которых зависит дальнейшее развитие событий: Москва, Токио, Берлин, Рим, Вашингтон. Но преимущественно действие разворачивается на Дальнем Востоке: в Хабаровске, на разных участках советской границы с Китаем, в Маньчжурии, в Японии и т.д.

В первой книге даётся широкий срез напряжённой жизни тех лет на дальневост. рубежах страны – как в тылу, так и на фронте. Отсюда и название книги. Описываются подготовительные мероприятия Японии, собирающейся с помощью оружия решить «северную проблему», и Советского государства, ведущего одновременно тяжелейшую войну с фашистами. Вторая книга посвящена «стремительному удару» Красной армии по армии Квантунской.

«Тыл – фронт» оказался одной из первых советских книг о войне 1945 на Дальнем Востоке. Её популярность объяснялась, очевидно, и обращением к ещё не забытым драматическим событиям, не получившим должного осмысления и изображения в литературе, и тем, что многие читатели «были сами участниками описываемых событий, служили в тревожные годы войны в частях Дальневосточного фронта» (Л. Васильев).

Несмотря на высокий читательский интерес, художественные качества книги уже с самого её появления подверглись серьёзной критике. Недостатки обнаруживались и на уровне содержания, и на уровне поэтики. Последние могут быть объяснены, с одной стороны, уровнем мастерства писателя, который без достаточного опыта взялся за столь крупное произведение, а с другой – следованием Г. нормам соцреалистической эстетики, а где-то и простым подражанием советским классикам. Следование канонам соцреализма проявляется не только в изображении «руководящей роли коммунистической партии», но и в специфике системы персонажей, в характеристиках героев, в своеобразии осн. конфликтов. Противостояние двух стран изображается в романе как борьба двух обществ. систем. В книге подчёркивается, что Япония не просто агрессор, но, прежде всего, страна «капиталистического мира», которому и даёт отпор Рабоче-крестьянская Красная армия и весь советский народ.

Поэтому персонажи делятся на две осн. группы, представители которых обрисовываются схематично. Истинно советские граждане и воины – обязательно положительные образы. Они бесстрашны, самоотверженны, готовы брать на себя ответственность, решительны, из всех драматич. ситуаций выходят достойно. Героизация советских воинов настолько очевидна, что на данную особенность указали даже советские критики: герои «из всех перипетий и передраг выходят целыми и невредимыми. <...> Правдивость романа от этого проигрывает» (Г. Буренкова). В то же время роману недостаёт критич. отношения к действиям и решениям советского государства при организации Дальневост. фронта. Более того, автор заставляет представителей вражеских стран высоко оценивать роль СССР в мировой политике. Напр., германский посол в Токио Отт, подчёркивая соответствие советской внешней политики всем международным соглашениям, заме-

чает: «Экстремизм в договорных отношениях большевикам не свойственен». Характеристики же врагов Советского Союза – прежде всего японских и белогвард. офицеров – порой уничижительны и доходят до «окарикатуривания противника, оглупления» (В. Ефименко): японцы обязательно корыстны, фанатичны и агрессивны, а белогвардейцы, помогающие Квантунской армии, мечтают с её помощью отомстить родине. При этом они сами признаются в своём унижительном положении: «Мы моськи, а они... <...> наш удел – пресмыкаться».

К числу др. недостатков романа относятся слабая проработанность сюжетных линий, неровности языка, чрезмерное употребление идеологич. штампов, а также неточности в описании истории, быта, национальных обычаев при изображении событий за пределами СССР.

В 1958 в Амурское кн. изд-во Г. передал рукопись научно-фантастич. повести «Амфибия-2». Готовое к публикации и даже оформленное художником (об этом см. в статье А. Воронкова), произведение неск. лет пролежало в редакционном портфеле изд-ва, но книгой так и не стало. Читатель имел возможность познакомиться с повестью (правда, в сокращении) лишь на страницах газеты «Амурский комсомолец», где она публиковалась с 16 нояб. по 24 дек. 1958. Произведение начинается с таинств. исчезновения созданной молодым советским инженером Александром Гусевым совершенной атомной подлодки «Амфибия-1». На ней под руководством отца конструктора, проф. Гусева, в глубины Ледовитого океана отправилась исследоват. экспедиция, которая в скором времени бесследно пропала. Через три года при поддержке Академии наук на ещё более совершенном корабле «Амфибия-2» Гусев с командой учёных и инженеров отправляется на поиски потерянного судна. В водах северного океана они сталкиваются с опасным противником – иностранной подводной лодкой «Эленора». Повесть также написана в русле соцреализма. И хотя тема приключений в глубинах мирового океана и авантюрный сюжет роднят её с произведениями Ж. Верна, всё же осн. конфликт отсылает к научно-фантастич. романам А.Н. Толстого. В повести противопоставлены два типа учёных: первый – это учёные советские, поставившие достижения науки на службу всему человечеству, второй – иностранные учёные-индивидуалисты, использующие науку в личных целях.

Автор не указывает национальность или гражданство врагов мировой гуманистической науки. Однако имена «мракобесов» – Греф Мерфи, Бейкерл – достаточно красноречиво на них указывают. Преследуя исключит. корыстные цели, они оказываются врагами всего человечества: «Через несколько дней, мистер Бейкерл, вы положите в банк кругленькую сумму»; «Что будут стоить изобретения и открытия учёных всего мира, если я могу их уничтожить в течение секунды? Все монополии будут трепетать перед нами. Мы будем диктовать миру свои желания. И притом по радио. При малейшем неповиновении в воздух взлетают заводы, банки, города. <...> Власть, капитал, могущество...». Даже насыщенная ругательствами речь иностранцев (в отличие от речи советских учёных, не допускающих сквернословия), а также царящая на корабле нервная обстановка отрицательно характеризуют этих персонажей. В повести они олицетворяют индивидуалистическое разрушительное начало. Гл. изобретением Мерфи оказывается даже не подводная лодка, а установленное на ней супероружие – «дозитрон», при помощи которого он погубил «Амфибию-1» и собирался покорить весь мир.

В повести Г. отразил один из важнейших конфликтов послевоенного мирового сообщества – противостояние капиталистических и социалистических стран. Писатель коснулся ключевого аспекта «холодной войны» – «гонки вооружений», а в частности – соперничества в строительстве подводных кораблей, использующих ядерную энергию. Судя по описанию атомных субмарин в повести, о существовании подобных в реальной действительности автор не знал, да и не мог знать по причине их секретности. Хотя к этому времени первое подобное судно в США уже было построено в 1955, а в СССР готовилось сойти со стапелей в 1958. Однако Г. мог знать о планах использования атомной энергии на кораблях и о проблемах, с этим связанных. Видимо, отсюда в повести фантастич. сплавы и вещества, разработанные советскими учёными и инженерами.

Несмотря на фантастичность событий и предметов, сюжет в повести разворачивается в полном соответствии с советской пропагандой, которая обвиняла западные страны в наращивании оружия, а советскую науку и её достижения подавала исключит. как мирные и гуманистические. Поэтому и «Амфибии» в произведении – это абсолютно мирные исследовательские судна, не несущие, в отличие от «Эленоры», вооружения.

Повесть Г. фантастична, но не вполне научна. В ней много псевдонаучных и даже противоречащих законам науки предметов и устройств. Осн. их роль – подчеркнуть превосходство советской науки, которая смогла создать и новые, обладающие сверхкачествами химич. вещества и сплавы – арктиний, руссиний и протонит; и экологически безупречный атомный двигатель, который «послушен человеку, как электрическая машина, и безопасен, как солнечные лучи для земли»; и фантастические приборы, помогающие совершать глубоководные экспедиции: гидровизор, глубоководный панцирный аппарат для выхода в открытый океан, гидростат, гидроплан, атомный молоток и т.д. Произведение засорено терминологией, псевдонаучными и научными понятиями, идеологич. риторикой, однако при описании реальных объектов язык может быть вполне художественным: «Сорванные с бурунов мелкие брызги наполняли воздух покалывающей пылью».

В нач. 1960-х Г. вновь обращается в своём творчестве к реальной действительности: публикует в амурских газетах рассказы «Голуби» и «Случай в жизни». Оба произведения не лишены дидактизма. В первом рассказе главный герой – десятилетний мальчик Шурка, который проходит испытание ответственностью. Получив от старшего брата стаю голубей, но не вняв его наставлениям, мальчик не только не справляется с птицами, но и сеет в городе панику, поднимает по ложной тревоге пожарных и милицию. В конечном итоге, Шурка осознаёт свою незрелость и решает заниматься голубями только тогда, когда достаточно закалится. Рассказ «Случай в жизни» начинается как произведение на семейную тему. Он о девушке с Волги, которая, мечтая увидеть своего отца, приезжает к нему в один из амурских городов. Однако, не принятая новой семьёй и безвольным отцом, Настя попадает в сложную ситуацию и решается на поездку обратно домой без билета. Девушку выручает бригада молодых строителей. Влившись в этот коллектив, Настя становится настоящим строителем, помогает отряду завоевать звание «коммунистического» и попадает на страницы газет.

В сер. 1960-х Г. был осуждён на 3 года. По некоторым сведениям, он писал книгу о лагерной жизни. После освобождения жил и работал в Благовещенске, не публиковался.

Соч.: Тыл – фронт: Глава из романа // Приамурье: Лит.-худож. и общ.-полит. альманах. №5. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1956. С. 7–43; Жаворонок: Глава из романа «Тыл – фронт» // Амурская правда. 1958. 26 янв. С. 3; Тыл – фронт: Роман. Кн. первая. Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1958. 339 с.; Амфибия-2: Науч.-фантаст. повесть // Амурский комсомолец. 1958. 16 нояб. – 24 дек.; Эвакосестра // Амурский комсомолец. 1959. 28 июня – 1 июля; Тыл – фронт: Роман. Кн. вторая. Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1960. 504 с.; Голуби: Рассказ // Амурский комсомолец. 1961. 12 марта. С. 4; Случай в жизни: Рассказ // Коммунистический труд. Зея. 1961. 8–15 окт. С. 3; Тыл – фронт: Роман. Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1963. 831 с.

Лит.: Ефименко В. Удачи и промахи первой книги писателя // Дальний Восток. 1958. №5. С. 183–184; Буренкова Г. Первая книга писателя // Амурская правда. 1958. 3 дек. С. 3; Ефименко В. Вторая книга романа // Дальний Восток. 1961. №3. С. 176–179; Лосев А. Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1963. С. 31; Васильев Л. Победа на Западе и на Востоке // Дальневосточный комсомолец. 1965. 23 марта. С. 3; Воронков А. Фонт без тыла (О писателе Андрее Головине) // Амур: Лит.-худож. альманах. №6. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 79–82.

В.В. Гуськов

ГОЛОВКО Олег Федотович [1.9.1940, с. Рахни-Сабови (ныне с. Рахни) Гайсинского р-на Винницкой обл. Украины] – известный бамовский поэт, руководитель литстудии «Звено» (с 1974 по 1979), член Союза писателей СССР (с 1974).

Биографич. сведений о поэте немного. Известно, что в нач. 1950-х Г. вместе с родителями переехал в пос. Емильчино Житомирской обл. После окончания школы в 1957 поступил на ф-т автоматики, телемеханики и связи Томского ин-та инженеров ж.-д. транспорта. С 1962 работал по специ-

альности на Западно-Сибирской ж.д. На БАМ Г. приехал известным поэтом. Писать стихи он начал ещё в старших классах школы. В студенческие годы начинающий автор представил свои первые поэтические опыты широкой читательской аудитории. Его стихи вошли в сборник «Над Томьюрекой» (1959). Позже публиковались в центр. периодич. изданиях: «Смена» «Комсомольская правда», «Гудок» и др. В 1962 в Томске вышла первая книга стихов Г. «Радио на сосне». В 1965 поэт вернулся на Украину, работал там преподавателем, журналистом, а с 1967 – зам.

начальника Кременчугской дистанции сигнализации и связи Южной ж.д. До отъезда на БАМ Г. выпустил книгу стихов на укр. языке «Дорога к родному дому» (Киев, 1968).

В Тынде Г. руководил отделом энергетики и связи Дирекции строительства БАМа. По долгу службы он часто бывал в притрассовых посёлках, встречался с разными людьми, сталкивался с повседневными житейскими проблемами бамовцев, был свидетелем знаковых событий. Всё это вошло в поэтический дневник Г., в интонационной палитре которого возвышенно-одические интонации причудливо смешаны с добрым юмором и лёгкой грустью.

Собрать все стихотворения о БАМе воедино получилось только после возвращения на Украину. «В вечных заботах о молодёжи до себя у него руки просто не доходили», – вспоминает И. Игнатенко. Лучшее из написанного о стройке века вошло в поэтические сборники «Поезда надежды» (на укр. языке; 1984) и «Струны тайги» (1988).

В последнем ж.-д. магистрале посвящён раздел «Тында». Столица БАМа – молодой, красивый город, выросший на глазах поэта, – стал для него символом задора, силы, мужества, упорства, преданности делу: «Будет город – наша гордость, / Наша ярость, наша злость, / Будет город, новый город, / Где сначала довелось / Сдвинуть скалы, чтобы шпалы / Утвердить на мерзлоте, / И до чёртиков усталым / Падать замертво в постель» («Город»). Короткие, динамичные фразы, лексические повторы, ненавязчивая звукопись позволяют ощутить празднично-приподнятую атмосферу строительства, подчёркивают решительность и энтузиазм первопроходцев.

Типологические черты бамовской поэзии – торжественный пафос и жизнеутверждающая интонация – особенно заметны в стихотворениях, рассказывающих о трудностях в работе строителей-железнодорожников: «125-й километр», «Ночная укладка», «Где на БАМе деревья лбами...» (ок. 1976), «Тайга такая...», «Удивляюсь спелым звёздам...» (ок. 1975), «Вечная мерзлота» (ок. 1976) и др. Его лирический герой искренне, не рисуясь, жаждет испытаний и гордится тем, что именно на него возложена ответственность за такое важное для страны дело: «Музыка стальная, / Принимай меня! / Слышишь, как, играя, / Мускулы звенят. / В самой ярой гуще / Парня не жалей, / Дай тропу покруче, / Груз потяжелей. / Дай лихие реки, / Бешеный мороз, / Дружбу – так навеки, / Песню – так до слёз. / <...> / Мне ль бояться в жизни / Дыма да огня, / Если вся Отчизна / Смотрит на меня!» («Музыка стальная...»).

Этим стихотворениям интонационно близка пейзажная лирика Г. Уроженец Украины, он смотрит на таёжную природу взглядом приезжего человека, которому всё в диковинку, в новинку. Лирический герой стихотворения «Брусника» не перестаёт искренне, не сдерживая восторга, удивляться щедрым дарам суровой таёжной природы: «Не верится, но и не сон ведь, братцы... / Какой пожар над волнами травы: / Вся сопка в пламенеющем убранстве, / Вся в красных криках ягод огневых! // <...> // Да, здесь необходимо верить очень / В скупую щедрость солнечного дня, / В тайги суровой ласковые очи / И в землю, что не каждому родня. // Да, это нужно выстрадать под снегом / В содружестве саранок и грибов, / Чтобы прийти нежданно алым смехом / И этой вспышкой выразить любовь!» Яркие, насыщенные цветом и наполненные